

УДК 616.641.7

©Пересадин Н.А., Фролов В.М., 2011

Н. С. ЛЕСКОВ: ТВОРЧЕСТВО, БОЛЕЗНЬ И ПРИЧИНЫ СМЕРТИ (к 180-летнему юбилею писателя)

Пересадин Н.А., Фролов В.М.

ГУ «Луганский государственный медицинский университет»

«Известно, что если прошлое обременяет, гнетёт, причиняет недуг ностальгии, сворачивает душу в бараний рог, то следует поставить его вне закона так называемой Мнемозины: забыть. Но прежде необходимо вспомнить, что представляет собой это прошлое, из чего состоит, вспомнить,

как именно было дело»

Саша Соколов «Знак озарения»

Современному читателю Н.С. Лесков известен прежде всего как создатель незабываемого образа тульского мастера Левши, подковавшего блоху, да, пожалуй, повестью «Леди Макбет Мценского уезда», многократно экранизированной и даже перенесённой на подмостки оперной сцены гениальным Д.Д. Шостаковичем. Между тем это был писатель недожизненного литературного дарования, страстный полемист и публицист, непревзойденный знаток народной жизни, полиглот, знавший помимо основных европейских языков также украинский, чешский и польский, служивший высокопоставленным чиновником в нескольких министерствах Российской империи.

Взаимоотношения Николая Семёновича с медициной были оригинальными, довольно тесными, показательно, что его самые первые печатные работы были опубликованы в специализированных медицинских изданиях, поэтому авторы настоящей статьи сочли целесообразным остановиться на характеристике жизнедеятельности Н.С. Лескова более основательно.

В Орловской губернии, давшей российской да и мировой литературе немало истинных талантов, в селе Горохове Орловского уезда 4 (16) февраля 1831 года в семье небогатого судейского служащего дворянина Семёна Дмитриевича Лескова родился Николай. «Дворянство наше», - писал в пятидесятилетнем возрасте уже известный всей России Николай Семёнович Лесков, - «молодое и незначительное, приобретено моим отцом по чину коллежского асессора». Род Лесковых происходил из духовенства, духовной среды. Дед будущего писателя Дмитрий Лесков, как и его (деда) отец, дед и прадед были священниками в селе Лески на Орловщине. «От этого села «Лески» вышла наша родовая фамилия – Лесковы [2. - С. 39]. Согласно «Историческому описанию церкви, приходов и монастырей Орловской епархии» 1905 года издания, колыбель лесковского рода село Лески расположено было по берегам речки Колоховы, впадающей в реку Навлю. Терялось это село в дремучих дубравах Карачевского уезда в 80 верстах от Орла и в 35 вёрстах от Карачева.

Отец будущего знаменитого литератора Семён Дмитриевич Лесков «не пошёл в попы», а пресёк свою духовную карьеру сразу же после окончания Севской семинарии, появившись в орловском приказничестве. Гнев его отца был так велик, что он выгнал Семёна из дома за отказ идти в духовное звание; с сорока копейками, тайно поданными его матерью, Семён Дмитриевич пришёл в Орёл, где

был взят в дом помещика Хлопова для обучения его детей. Учил он хлоповских детей весьма успешно и его впоследствии пригласил к себе богатый помещик Михаил Андреевич Страхов, служивший в ту пору орловским уездным предводителем дворянства. Учить Семёну пришлось детей бежавших из Москвы от французов Алферьевых. В числе маленьких учениц оказалась и его будущая жена – мать писателя Н.С. Лескова Марья Петровна. В семье Страховых Семён Лесков привлёк внимание своим замечательным интеллектом и прекрасными душевными качествами, прежде всего честностью. Из учителей Лескова упростили поступить на службу делопроизводителем дворянской опеки. Образованные орловские дворяне затем уговорили его уехать в Петербург, где способный Семён Дмитриевич недолгое время служил в министерстве финансов, а затем был командирован на Кавказ для ведения каких-то «винных операций». Вернувшись в Орёл в 1830 году, Семён Лесков встретил 16-летнюю бывшую свою ученицу Машу Алферьеву, которая расцвела, похорошела; в неё просто невозможно было не влюбиться. Женитьба состоялась, за невестой было обещано пять тысяч ассигнациями (полторы тысячи рублей серебром). Благотелем семьи Алферьевых, с предстательницей которой связал судьбу Семён Дмитриевич, был богатый помещик Михаил Андреевич Страхов, у которого дед будущего писателя по материнской линии служил управителем имений.

Родился Николай Лесков в селе Горохове 4 февраля 1831 года, где жила бабушка, у которой в ту пору гостила его матушка. Это было весьма благоустроенное и богатое имение Страхова, в нём жили на широкую ногу, по-барски и даже с известной роскошью. После рождения сына Семён Дмитриевич Лесков был избран в Орёл заседателем от дворянства в Орловскую палату уголовного суда, где «произвёл несколько следствий», а также несколько раз по губернскому правлению исправлял должность советника от двух до четырёх месяцев [2. - С. 423]. Семён Лесков очень скоро стал замечен умом и твёрдостью убеждений, из-за которых он никогда не шёл на компромиссы и сделки с совестью, вследствие чего при следующих выборах остался без места. Неудачи служебной карьеры в конце концов сломили этого «крутого человека» (нечто подобное произошло с отцом другого героя нашей серии этюдов Артура Конан Дойла), воспитывать и содержать семерых детей, из которых Николай был самым старшим, стало чрезвычайно

сложно. Семён Дмитриевич стал хиреть, захандрил и стал заметно для всех слабеть духом и опускаться. Семья жила в крошечном домике, состоявшем из одного большого крестьянского сруба, отштукатуренного внутри и покрытого соломой.

Дворянин Семён Дмитриевич стал сам ходить в поле, сам смотреть за садом и за мельницей и при этом постоянно читал, однако хозяйственные дела никак не удавались: он был человек высокоинтеллектуальный и ему нужна была живая, умственная деятельность, а не маленькое однодворческое хозяйство. В это время юного Николеньку отвезли в губернский город и определили в первый класс Орловской гимназии. В деревне Коля жил на полной свободе, которой пользовался как хотел. Простонародный быт будущий писатель с детских лет познал до мельчайших деталей. Вот почему, когда впервые Николай прочитал «Записки охотника» своего земляка И.С. Тургенева, он «весь задрожал от правды представлений и сразу понял: что называется искусством» [1]. Книга Тургенева стала для Николая Лескова надолго эталоном изображенной народной жизни. Вот как свидетельствовал сам Лесков об этом: «Первая книга, после Библии, которую дал мне отец читать, была «Записки охотника». Мне было тогда 7 лет. Он заставлял меня читать ему вслух тургеневские рассказы – и я дрожал от страха, как бы не сделать ошибки» [1]. Кроме того он писал далее: «Тургенева отец считал выше Гончарова как поэта. Каждое новое произведение Ивана Сергеевича было событием в жизни нашего дома» [2. - С. 424].

За богачом Михаилом Андреевичем Страховым была замужем родная сестра матери будущего писателя Наталия Петровна, замечательная красавица, которую деспотический сумасбродный старик, бывший на сорок лет старше супруги, чудовищным образом ревновал. Страдания тётки были предметом всеобщего сожаления, но никто за неё даже и не помышлял заступиться. Это были первые детские впечатления Николеньки, и «впечатления ужасные», - по мнению уже зрелого писателя «они ... начали развивать... ту мучительную нервность», от которой Лесков страдал всю жизнь и наделал (по его словам) «много неоправдываемых глупостей и грубостей» [3. - С. 44]. У супругов Страховых было шестеро детей, для их воспитания в доме были русский и немецкий учителя и гувернантка-француженка. Коля Лесков жил у Страховых почти до восьми лет и умел вследствие этого «с младых ногтей» прилично вести себя в обществе – вежливо отвечать на разнообразные вопросы, пристойно кланяться и бойко говорить по-французски.

Николай был одарён, несомненно, гораздо большими талантами и способностями, чем его кузены и кузины, всяческие науки давались ему гораздо легче. К сожалению, успехи двоюродного брата и племянника Коли Лескова не очень были приятны семье Страховых, Николенька довольно рано заметил в себе «уколы самолюбия и гордости», в которых у него выразилось большое сходство с отцом. После смерти М.А. Страхова опекуном семьи стал соседний помещик Н.Е. Афонимов, часто обижавший Николая, невзлюбив «семинарское отродье». Пришлось покинуть семью Страховых и отправиться для учёбы в Орловскую гимназию. Коля Лесков очень скучал по родным, но учился отменно и ездил домой три раза в год: на летние каникулы, на святки и на страстной неделе

с Пасхою. На 17-м году Николай осиротел, ничтожное имущество, оставшееся после смерти отца, погибло в огне во время знаменитых орловских пожаров. Эти печальные обстоятельства положили предел гимназической учёбе Н.С. Лескова, он добывал себе в последующем знания «самостоятельно» и путём дискуссий с учёными мужами, университетскими преподавателями (об этом см. далее). Непродолжительное время Николай служил в гражданской службе, затем по примеру друга С.С. Громеки поступил на коммерческую службу, которая потребовала бесчисленных разъездов и посещений самых отдалённых уголков России. Был он настоящим «гений самообразования».

Изъездив страну в самых разных направлениях, будущий литератор получил большое обилие жизненных впечатлений и богатый запас всевозможных бытовых сведений. Вспоминая пять лет, проведённых в стенах Орловской гимназии в своих письмах и заметках, Н.С. Лесков с теплотой пишет об одном из своих замечательных учителей – Валериане Варфоломеевиче Бернатовиче, которого его ученики всегда помнили и любили за то, что он умел дать их характерам «известную крепость». Многим обязан был Лесков и выпускнику философского класса Орловской духовной семинарии И.М. Сребницкому. Именно в гимназии проявилась у Лескова невероятная любовь к чтению. До конца своих дней Николай Семёнович оставался страстным библиофилом, знатоком редких и замечательных изданий, собрав большую коллекцию ценных книг и рукописей.

Интереснейшие и весьма объёмные письма, которые будущий писатель, посылал из разных городов и весей Российской империи своему родственнику, стали до такой степени востребованы, что адресат (А.Я. Шкотт) находил их «достойными печати», а автора прочил в большие писатели.

Писательство же как таковое Н.С. Лескова началось довольно случайно. Обратимся к деталям этого судьбоносного выбора. В 1849 году Н.С. Лескова перевели в Киев чиновником казённой палаты и спустя некоторое время его определили «помощником столоначальника по рекрутскому столу ревизского отделения» [2. - С. 137]. Как культурный центр, «мать городов русских», университетский Киев выгодно отличался от спокойного и тихого провинциального Орла. В доме своего дяди, брата матери, профессора Киевского императорского университета имени Святого Владимира, доктора медицины Сергея Петровича Алферьева, Николай Лесков ежедневно встречался «почти со всеми молодыми профессорами тогдашнего университетского кружка». Он много общался с профессором Игнатием Фёдоровичем Якубовским, который был увлечён даровитостью Н.С. Лескова и занимался им науками с большой любовью.

В 1890 году, уже будучи знаменитым писателем, Николай Семёнович подарил почитателю библиографу его произведений П.В. Быкову набросок автобиографии, в которой он писал о людях, оказавших на будущего, известного всей России, литератора, заметное влияние. Среди этих лиц отмечены профессор Савва Осипович Богородский (1804-1857), заведовавший кафедрой, которая в 50-х годах XIX века имела название «Законов уголовных и благочиния», он был автором посмертно изданного труда «Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVII века» (Киев,

1862). Влияние взглядов С.О. Богородского особенно заметно в юридических мотивах публицистических произведений Лескова. Игнатий Федорович Якубовский (1820-1851) – на самом деле в пору знакомства с Н.С. Лесковым был магистром по кафедре сельского хозяйства и лесоводства Киевского университета, принадлежал к числу стипендиатов для приготовления к профессорскому званию. Аналог подобных денежных пособий упоминается нами в работе, посвящённой доктору Альберту Швейцеру (Укр. мед. альманах. – 2011. – № 2). По отзывам современников, изящная и талантливая натура Игнатия Фёдоровича Якубовского, к сожалению, рано ушедшего из жизни такому предмету, который с основания университета... всегда был посмешищем для студентов...». На Н.С. Лескова оказал влияние в те его юные годы известный статистик, сторонник уничтожения крепостного права Дмитрий Петрович Журавский (1810-1856), которого по праву считают основоположником русской статистической науки. В 1840-х годах Д.П. Журавский написал «Исследование о нынешнем состоянии и о средствах улучшения быта крепостных крестьян», где предложил свой проект «выпуска крестьян на волю». Лесков был хорошо знаком с текстом этого впоследствии пропавшего труда замечательного учёного. Подчёркивая социально-нравственное подвижничество Журавского, Н.С. Лесков говорил, что Дмитрий Петрович был «едва ли не первое живое лицо, которое во дни юности моей в Киеве заставлял меня понимать, что добродетель существует не в одних отвлечениях». После смерти Журавский оставил капитал, завещанный им на «выкуп двадцати крепостных», однако подражателей подобной гуманной деятельности за пять лет до отмены крепостного права в России не нашлось. Образ Журавского Лесков отразил в своей хронике «Захудалый род» (1874).

В первые годы пребывания в Киеве, где он прожил целое десятилетие, Николай Лесков близ куртин знаменитого верхнего сада проводил с молодыми интеллектуалами, как писал он позднее, «целые ночи до бела света, слушая того, кто нам казался умнее, – кто обладал большими против других сведениями и мог рассказать нам о Канте, о Гегеле, о чувствах высокого и прекрасного» [4]. Н.С. Лесков тесно сроднился с украинцами, полюбил национальную культуру Украины и язык братского народа, был близко знаком с Тарасом Шевченко и посвятил последнему несколько своих знаменитых статей.

В литературство Лескова «вравили» (термин самого Н.С. Лескова) профессор Киевского университета Александр Петрович Вальтер и Николай Илларионович Козлов. Роль Н.И. Козлова в судьбе Н.С. Лескова, как считал сын писателя Андрей Лесков, не до конца является ясной. Профессор кафедры анатомии Киевского университета (1841-1853) Н.И. Козлов стал в 1853 году в Петербурге вице-директором медицинского департамента Министерства внутренних дел, а позднее (1858-1862) занимал аналогичную должность в военном министерстве. Наиболее вероятной считается его помощь Николаю Семёновичу в период жизни Лескова в Петербурге [2 - С. 430]. В апреле 1853 года Н.С. Лесков женился на дочери киевского коммерсанта Ольге Васильевне Смирновой, в июне того же года его произвели в коллежские регистраторы и в октябре «определили» столоначальником Ки-

евской казённой палаты. В декабре 1854 года родился первый сын Лескова Дмитрий, вскоре скончавшийся у матери Николая Семёновича в селе Панино Орловской губернии. 8 марта 1856 года родилась дочь Лескова Вера: в июле 1856 года его произвели в губернские секретари.

Получив в 1857 году отпуск на четыре месяца, Лесков отправился в с. Райское Городищенского уезда Пензенской губернии на службу в коммерческую английскую компанию мужа своей тётки А.Я. Шкотта «Шкотт и Вилькенс». Весной того же года Лесков исполняет первое поручение А.Я. Шкотта – перевоз орловских крестьян графа Петровского в Понизовье. Обстоятельства неудачи этого поручения изображены впоследствии в лесковском рассказе «Продукт природы».

В октябре 1857 года Лесков подаёт прошение об увольнении от службы в Киевской казённой палате и в течение 1857-1859 гг живёт в селе Райском Пензенской губернии с семьёй обрусевшего англичанина А.Я. Шкота и постоянно разъезжает в делах компании «Шкотт и Вилькенс» в «странствования по России». По его словам, – «Это самое лучшее время моей жизни, когда много видел» [5].

Большую роль в жизни Н.С. Лескова сыграл его родной, один – единственный, «кровный дядя» Сергей Петрович Алфёров. Родился С.П. Алфёров 4 октября 1816 года на Орловщине. В 22 года окончил с серебряной медалью Московскую Медико-хирургическую академию (1832 г.). Был командирован для усовершенствования в медицинских науках в 1843-1845 гг за границу. В 1846 году начал службу ординарным профессором по кафедре терапевтической клиники с семиотикой медицинского факультета Киевского императорского университета.

Большой мягкости у С.П. Алфёрова в отношении племянника, самочинно оставившего после смерти отца от холеры в июле 1848 года орловскую гимназию, не было. Много и хорошо учившийся, С.П. Алфёров переместил Николая из Орла в Киев ради помощи любимой сестре, которая просила брата-профессора взять старшего племянника под свой надзор.

Последние свои годы С.П. Алфёров жил в доме своего другого племянника Алексея Семёновича, где жила и его сестра Мария Петровна, мать Н.С. Лескова. Профессор С.П. Алфёров составил коротенькую схему своей жизни, упомянув, в частности, о поездках за границу: Берлин, Париж, Вена, Прага. В Швейцарии у него было много занятий и встреч. С 1856 года С.П. Алфёров находился в Южной армии, где «пользовал» тифозных больных. Позднее он добился высочайшего разрешения выехать в Константинополь для исследования тифозной горячки (брюшного тифа). За участие в войне С.П. Алфёров был награждён памятной светлобронзовой медалью.

В 1864 году Алфёров был уволен от службы с пенсионом 1200 рублей в год. По увольнении вёл жизнь частного человека и практикующего врача. Тяжело заболев, он наотрез отказался принимать какие-либо лекарства, считая, что если организм ещё жизнеспособен – он справится сам, а если нет – не к чему отодвигать на несколько дней неизбежный финал. В ночь на 31 марта 1884 года Сергей Петрович Алфёров скончался на 68-ом году жизни. В надгробных речах и некрологах, опубликованных в газете «Киевлянин», а также в издании «Новости и биржевая газета» отмечались выдаю-

щиеся качества этом блестящего диагноста, «ученика венской медицинской школы», в полной мере владевшего замечательным даром слова и искусством убеждения страждущих.

Роль С.П. Алферьева в судьбе Н.С. Лескова чрезвычайно велика, заслуга этого киевского брата матери огромна. Именно Сергей Петрович «изъял» Н.С. Лескова «из мертвенно-дремотного Орла в университетский Киев, поставив в условия благоприятствовавшие расширению умственного кругозора, пробуждению жажды к знанию, а с тем, по-позже, и к писательству...» [2. - С. 90]. Следует заметить помимо всего прочего, что Н.С. Лесков всю жизнь свою помнил и не упускал случая печатно называть своих соучеников по Орловской гимназии известного московского профессора – эмбриолога А.И. Бабухина, физика К.Д. Краевича, художника Г.Г. Мясоедова. Все они оставили след в сердце Николая Лескова.

В.В. Розанов в статье «Ибис» писал так: «Лесков – это – училище, сокровище ума, образования, размышления, не говоря уже о наблюдательности; он возбуждает бездну теоретических, так сказать «университетских» вопросов, и очевидно чрезвычайно многое для себя «университетски» же, со строгостью профессора, но и ещё с прибавкой таланта, разрешил. В невежестве можно признаться, когда это утилитарно, может послужить делу, доказыванию» [8]. Розанов Лескова «читал всегда с таким ощущением образовательной удовлетворённости, сытости – как бы автор этих повестей и рассказов именно прошёл университет, даже определённый его факультет - филологический.. Он говорил о том, о чём мы, бывало, в аудиториях и на вечеринках говорили; говорил умнее нас, проникновенно, дальше видя... Лесков был огромный, ярко типичный русский ум; в нём «тип», «русская натура» до того высоко поднялись, что очень и очень могли залить университетское образование, в том смысле, что этому последнему не было места, не было, так сказать, промежутков в природном таланте человека... Лесков очевидно представляет случай, исключение, особенный пример. Он очень важен; он должен войти в изучение...» [6. - С. 438-439]. Статья В.В. Розанова чрезвычайно важна как опровержение появившимся уже после смерти Н.С. Лескова заметкам В.Г. Авсеенко в «Новом времени», пенявшего на обделённость Лескова «школой».

Вернёмся, однако, к киевскому периоду жизни Н.С. Лескова, который на двадцать третьем году своей писательской карьеры в одном из рассказов (имеется в виду рассказ «Печерские антики») дал такое автобиографическое заявление: «Меня в литературе считают «орловцем», но в Орле я только родился и провёл мои детские годы, а затем в 1849 году переехал в Киев...» [7]. Лета наиболее ценных, сильных и взаимодействующих на духовное формирование впечатлений полностью отдаются Украине; город Киев «в течение десяти лет кряду был его житейскою школою», как напишет он позднее в «Блуждающих огоньках» («Детские годы»). Со студентами – медиками будущий писатель общался особенно часто. В «Печерских антиках» Лесков вспоминал «студентов-медиков пятого курса, которым надо было ходить в клинику военного госпиталя». В начале 50-х гг. Лесков входил в киевский религиозно-философский кружок передовой молодёжи. Члены кружка, а вместе с ними и Лесков, увлеклись в ту пору изданной в 1852 г. в Париже книгой Э. Ренана о средневековой араб-

ской философии «Аверроэс и аверроизм». Религиозно-нравственные искания, эклектичные философские штудии и обсуждения «программировали» прихотливую эволюцию Лескова, побуждая к саморазвитию и самосовершенствованию. Общение с передовыми профессорами Киевского университета привело к знакомству Н.С. Лескова со статистикой, социологией, философией, политической экономией. Трёхлетние деловые странствия по России ознакомили его с живой экономикой и конкретными бытовыми условиями всех слоёв населения... Всё это приковывало к себе жадное внимание любознательного, наблюдательного и хорошо подготовленного жизнью Н.С. Лескова. Закладывался базис, необходимый для заправского беллетриста, для художника, пробудившегося и выросшего на почве практических знаний.

В 1859 году на глазах у Лескова прокатилась волна так называемых «питейных бунтов», захлестнувшая Пензенскую губернию с Городищенским её уездом. Лесков хорошо знал положение винокурного дела в этой местности и, впервые в жизни, решил написать об этих событиях. В апрельской книжке журнала «Отечественные записки» за 1861 года появляется статья в 25 страниц, озаглавленная «Очерки винокурной промышленности. (Пензенская губерния)», подписана она была «Николай Лесков». В печати её, правда, обогнали несколько небольших по объёму «статеек, корреспонденций и мелких заметок». Однако первой задуманной, солидной и подготовленной специально для печати работой Лескова, бесспорно была именно эта статья, именно таковой признавал её всегда и сам Николай Семёнович. Основная мысль статьи «Очерки винокурной промышленности» - общая несправедливость и убыточность винокурных привилегий, предоставляемых помещикам и дворянству. Статья была во многом щекотливой, а для некоторых издателей даже одиозной, поэтому её целый год не издавали. Что же именно опередило в печати эту «первую пробу пера» Лескова?

По предложению издателя киевского журнала «Современная медицина», профессора Киевского университета А.П. Вальтера, Николай Лесков подготовил следующие статьи: «Заметка о зданиях», «О рабочем классе», «Несколько слов о врачах рекрутских присутствий», «Несколько слов о полицейских врачах в России» (опубликованы в №№ 29, 32, 36, 39, 48 «Современной медицины» за 1860 год). В том же году в «Указателе экономического» №№ 189, 193, 195, 203, 206 вышли корреспонденческие заметки Н.С. Лескова по благоустройству Киева, об открытии в магазине купца В.Г. Барщевского абонементов на книги, о частных популярных лекциях профессора Вальтера в анатомическом театре университета. Желая «всякого успеха благому делу профессора А.П. Вальтера «Н.С. Лесков заметил: «Имя его не забудут люди, которым он поможет сбросить с себя тяжкие путы предрассудков». Подписывал свои заметки Н.С. Лесков псевдонимом «Фрейшиц» (в переводе с немецкого – вольный стрелок).

По убеждениям той поры Н.С. Лесков – нормальный прогрессист, союзник свободной «коммерции», сторонник немедленного освобождения крепостных крестьян. Он является противником удушающей российской жизнь чиновной бюрократии, противник дикости и даже (как в щедринском духе модно было выражаться) обличитель, «тёмных сторон и язв».

Известный критик и литературовед Лев Александрович Аннинский, с которым мы позже познакомимся в Воронеже, ещё в начале 70-х годов XX века и состояли в оживлённой переписке, встречались на его московской квартире в своей повести о Лескове, названной «Несломленный», анализирует лесковскую «статьёчку» «Несколько слов о полицейских врачах в России». Статья была опубликована в киевском медицинском еженедельнике за год до окончательного переселения автора в Петербург. Сюжет её таков. Врачи берут взятки, а журналист (Н.С. Лесков) их бичует и изобличает... Однако журналист начинает вычислять, сколько рублей в месяц должен брать взятками «примерный» городской врач в «примерном» городе, при таком-то количестве жителей, рундуков на базаре, числе женщин, записавшихся в качестве проституток, плюс женщин, в этом качестве не записавшихся, но подвизающихся. «Объективность», с какой Н.С. Лесков подходит к делу, довольно коварна: из вопиющего нарушения жизненных установок взятка полицейскому врачу становится под его пером вопиюще неодолимой, почти мистической нормой жизни. Возникает практически ничем невозмутимая интонация автора, под которой прячется глубокий скепсис. В самом деле, если мелкие каждодневные служебные проступки и преступления – естественный стиль проживания людей в России, то на кого и как именно следует негодовать? И откупная система господином Фрейшицом понимается аналогично, и о российском пьянстве «вольный стрелок» пишет много, ярко и остро. Первые публицистические работы Лескова обращают внимание к его особе графини Е.В. Сельян де Турнемир де Турнефор, собиравшейся в Москве издавать умеренно-либеральную газету «Русская речь». Так Николай Семёнович становится публицистом обеих столиц (в Москве – «Русская речь», в Петербурге – «Указатель экономического»).

В январе 1861 года Лесков приезжает в Петербург и останавливается у знакомого ему по Киеву И.В. Вернадского, который в 1846-1849 гг преподавал на кафедре политической экономии Киевского университета, а затем издавал «Указатель экономического» и руководил политико-экономическим комитетом Географического общества. На квартире И.В. Вернадского Лесков знакомится с членом общества «Земля и воля» А.И. Ничипоренко (ставший прототипом Пархоменко из лесковского романа «Некуда»). В январе же 1861 года Лесков навещает Т.Г. Шевченко, который дарит ему свой «Букварь южно-русский». В феврале в московской газете «Русская речь» появляется статья Н.С. Лескова о лекциях Н.И. Костомарова «Письмо из Петербурга». Позднее «Русская речь» слилась с «Московским вестником», и её редактором стал Е.М. Феоктистов. 27 февраля того же года Лесков с А.И. Ничипоренко в Академии художеств поклоняются телу умершего накануне Т.Г. Шевченко, а на следующий день Николай Семёнович присутствует на отпевании и похоронах великого «Кобзаря». В начале марта Лесков публикует заметку «Первая встреча и последняя разлука с Шевченко».

В первые месяцы своего житья в северной столице Николай Лесков очень общителен, предприимчив и смел. Он знакомится с Артуром Бенни, который в обществе известен как «Эмиссар Герцена» (Бенни позднее погибнет в отряде гарибальдийцев и ему будет посвящён лесковский очерк «Загадочный человек»). В январе 1862 года Лесков начинает

рудничать с газетой «Северная пчела», принявшей его в качестве штатного сотрудника. Он много пишет (в том числе передовых статей) очерков, рассказов, заметок.

В сентябре того же года Лесков едет за границу. Он приезжает в Прагу, затем прибывает в Париж, где знакомится с польским профессором Леонардом Ходзько и чешским поэтом Иосифом Фричем. В «Северной пчеле» он публикует серию очерков «Из одного дорожного дневника», переводит «славянское предание» Божены Немцовой «Двенадцать месяцев». В марте 1863 года из Парижа он возвращается в Петербург. Этот год отмечен публикациями маленькой повести «Овцебык», очерков «Русское общество в Париже», статьями и работой над романом «Некуда». Сам роман в феврале 1864 г. начал публиковаться в «Библиотеке для чтения», его уже сданные в редакцию журнала последующие части (апрельская и майская книжки и библиотеки для чтения) были задержаны Цензурой и III-им Отделением, печатание разрешено было только около 20 июня. Н.С. Лесков был вынужден уехать в Киев к родным и в июле на даче Л. Китаевой встретился со своей будущей женой Е.С. Бубновой.

Хорошо знавший Лескова ещё с киевских времён В.Г. Авсеенко писал так: «Лесков любопытен уже тем, что хотя литературный труд являлся для него средством к жизни, но поглощал его всецело, напрягая все его нервы и создавая для него особый мир, органически связанный с его существованием. Ремесленника в нём не было, и не было дилетанта, засакакивавшего в литературу ради тщеславия или ради гонорара... Лесков был настоящий писатель, нервный, страстный, постоянно волнуемый условиями и обстановкой своего авторства, словно перегорающий в нём...» [9. – С. 277].

Далее В.Г. Авсеенко пишет: «Испорченных отношений у Лескова вообще было много, что и немудрено было при беспокойной желчности его натуры... Лесков был непосредственный талант, сырой, неуклюжий, лишённый вкуса и чувства меры, но с большою силою вдохновения» [2 – С. 279]. Лесков часто поддавался своей «нетерпечности», что нанесло в итоге большой ущерб его здоровью.

В письме к К.П. Щербальскому от 16 апреля 1871 года он так духовно самообнажался: «... я дописываю роман с досадою, с злостью и с раздражением, комка всё как попало, лишь бы исполнить программу. Может быть, я излишне впечатлительен, но тем не менее я ни грамма бы ни стоил с меньшей впечатлительностью» [1]. Далее Лесков пишет: «... я болен прескверно и, может быть, - безнадежно. ... Нервные потрясения в годы склоняющиеся не проходят даром, и со мной действительно надо обращаться как с большим ребёнком, позволяя мне ломать и портить то, что я сам всего более люблю. Это состояние неопишное и невыразимое словами; лучший ум, замученный нервами, Гейне, называл это «зубная боль в сердце». Лечение напрасно, - не берёт ничего на свете... Мои мысли всегда засакакивают вперёд, дальше того пункта, на котором многие успокаиваются и живут счастливо» [1].

В письме к А.С. Суворину он подчёркивает: «Подозрительность во мне, может быть, есть. Вишневский писал об этом целые трактаты и изъяснил, откуда она произошла. Он называет её даже «зломнительством», но ведь со мною так долго и

так зло поступали... Что-нибудь, чай, засело в печенях». Остроумный поэт и вразумительный ясный переводчик А. Шопенгауэра Фёдор Владимирович Вишневецкий, с которым был дружен Н.С. Лесков, сказал так: «... зломнительность – качество не часто встречающееся и есть принадлежность преимущественно людей добрых, обжэгшихся на молоке и дующих на холодную воду. Она есть продукт раздвоения, рефлекса, образовавшийся из столкновения прирожденной доброты сердца с благоприобретённою неверчивостью и презрительностью ума...» [2. – С. 285].

Л.Я. Гуревич в статье «Из дневника журналиста» так интересно писала о Лескове: «Умный темпераментный старик с колючими... глазами, с душою сложною и причудливою... Полный бунтующих страстей. Беспokoйного, придирчивого и сильного разума. Он никогда не знал душевного или умственного успокоения. Он громил старое, отживающее и высмеивал новое, не дожидаясь, чтобы оно принесло свои плоды, не снисходя к недостаткам, свойственным периоду брожения. Капля крови Ивана IV, мятежного деспота с порывами к самоусовершенствованию, со склонностью к святости, но вместе с тем способностью терзаться в религиозном экстазе» [3]. Таким увидела Н.С. Лескова в последние года его жизни образованная, наблюдательная, вдумчивая и осмыслительная в отзывах о людях, дружественно настроенная по отношению к Николаю Семёновичу Л.Я. Гуревич, издававшая «Северный вестник», в котором очень охотно работал Николай Лесков. В годы своей «маститости» Лесков утверждал, что когда-то «злобылся», а потом «смирился, но не искусно». Это было ценным его признанием. С натурой не совпадаешь: *неискусно* выйдет. Мешала прекрасная цепкая память, не позволяющая зарубцеваться ни одной ране, ни одной царапине. Жила потребность «расчесать» любую ничтожную царапину и непременно до крови... Это мнение сына Андрея Николаевича Лескова из его двухтомного труда «Жизнь Николая Лескова». Сын Андрей Николаевич свидетельствовал о том, что «дома безудержные вспышки и бури раздражались внезапно, по самым ничтожным поводам, а то и вовсе без них. Царила гнетущая подавленность, напряжённая настороженность. Ни музыки, ни песни, ни даже громкого, вольного голоса... На чей-то вопрос – любит ли он музыку – Лесков медленно ответил: «Нет... не люблю: под музыку много думается... а думы у меня все тяжелые...» [3. - С. 288].

Следует сказать, что в глубине непостижимо сложной души писателя таилась живая участливость к чужому горю, нужде, затруднениям, особенно острая, если они постигали работников литературы, членов их семей или их сирот. Имеются сотни примеров бескорыстной помощи Лескова, его ходатайств перед властью имущими относительно материальной помощи страждущим. Об этом ярко свидетельствовал в своём двухтомнике сын писателя Андрей Николаевич. Н.С. Лесков верил, что впечатления, воспринимаемые мозгом настоящего писателя, болезненно остры, что эхо у него сильнее первоначального сотрясения, сильнее исходного звукового сигнала. В этом и сила и несчастье даровитого автора никогда к тому же не забывавшего, что «музы ревнивы» и служить им надо всеми силами и кровью сердца своего. В итоге, искренний и темпераментный писатель – мученик. Лесков и был таким мучеником. За долгие рабочие

месяцы ранней осени, зимы и поздней петербургской весны он, со своими «обнажёнными» нервами, совершенно и физически и духовно так изматывался, что просто жаждал летнего отдыха, непосредственности близости к живой природе. Астматический и тучный, он с четвёртого десятка лет стал очень плохо переносить жару и духоту и не тяготел больше к южным краям. Напротив, его манила и пленяла, властно влекла к себе прохлада, свежесть влажных северных широт. В сильно недужные годы, он для отдыха ограничивался близкими к Петербургу усть-наровскими дачными прибрежными посёлками. Упомянув касательно темы нашей статьи об отношении к медицине Н.С. Лескова, его тяжелой болезни, контактах с виднейшими деятелями биологической и медицинской науки и практики его времени, не забудем о том, что его брат Алексей Семёнович Лесков, блестяще окончивший Киевский императорский университет по медицинскому факультету, оставленный после получения врачебного диплома при университетской гинекологической клинике, быстро приобрёл великолепную докторскую практику в Киеве и вскоре занял заметное место в городском самоуправлении.

Что касается тяжёлой болезни Н.С. Лескова, то следует обратиться за разъяснениями к книге «Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам» [2, 3], подготовленной его сыном Андреем Лесковым. В главе 2-й седьмой части этой книги подробно повествуется об *angina pectoris*, которой страдал великий писатель. Внимательно читая эти материалы, можно отметить, что Николай Семёнович искренне интересовался своей болезнью. Он внимательно изучил переводную книгу французского профессора G. Andre «Гигиена старческого возраста», изданную в Санкт-Петербурге в 1891 году и особо подчеркнул текст, расположенный на стр. 72 этой книги: «Астма много раз имела исходной точкой, если не причиной, глубокие и продолжительные огорчения и приступы гнева». Рукой Лескова на полях написано как раз напротив процитированного нами места: «Вот, что и было 16-го августа 1889 года». Именно в тот знаменательный день великий писатель узнал от кого-то на лестнице суворинской типографии о полученном распоряжении Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова об аресте только что отпечатанного шестого тома собрания его (Лескова) сочинений. В момент получения этого тяжёлого известия произошло то, что было писателем впоследствии расценено как первый припадок уже никогда не освобождавшего его недуга – *angina pectoris* (грудная жаба, как тогда по-русски именовали ишемическую болезнь сердца). С того самого дня разрушение здоровья Н.С. Лескова пошло с «неумолимой безотступностью». Н.С. Лесков с талантом наблюдателя подметил пусковой механизм формирования острой ишемической болезни у самого себя: «приступы безысходного гнева». Субъективно именно такое определение представляется даже более точным, чем у французского исследователя G. Andre с его книгой «Гигиена старческого возраста», которую тщательно изучал великий писатель. Сам Лесков, по общему для него правилу, всегда и всюду осуждает себя на «внутреннее сгорание», что ощущается в его беседах в его письмах к друзьям, родственникам и знакомым.

В письме к Н.П. Крохину он писал: «У меня так называемая «грудная жаба». Что это за болезнь

– о том рассказывать долго и неинтересно. Свойства она нервного (душит за горло) и, вероятно, неизлечима. Я 11 суток был без пищи и 5 суток без сознания – что доставляло мне большое облегчение. При возвращении сознания я почувствовал жалость, что снова надо сознавать эту жизнь» [3]. К этому коротенькому письмецу была подклеена газетная вырезка, сообщавшая о «замедлившимся» на шестом томе издании сочинений, о выпуске седьмого и о болезни писателя, «внушавшей долгое время серьёзные опасения»... Следует отметить, что первый приступ грозного заболевания (вероятнее всего инфаркт миокарда) случился у Н.С. Лескова на 59-м году жизни. Жить ему оставалось всего 5 лет и всё это относительно недолгое время было омрачено частыми болями в груди («под ключицами»), невозможностью вести подвижный образ жизни, что противоречило страстному и бойкому характеру писателя. Лесков считал, что болезнь его «свойства нервного, произошла она от многих неблагоприятных обстоятельств его жизни, но «всею более от переутомления в течение многих лет». Болезнь ожесточалась при малейшем беспокойстве. Николай Семёнович не мог даже домовое время выносить крахмального белья и грубого, тяжёлого и жесткого платья – всего, что давит или тянет.

В письме к Льву Толстому шестидесятилетний Лесков в июле 1891 года писал: «Здоровье моё коварно. Называют мою болезнь *Angina pectoris*, а на самом деле это то, что «кол в груди становится», и тогда не двинуться, ни шевельнуться. На «тело» я смотрю так же, как и вы, но когда бывает больно, то чувствую, что это очень больно. Тогда не курю табаку, но «червонное вино» (как говорил дьякон Ахилка) пью умеренно «стомаха ради и многих недугов своих» [3]. В сентябре того же года Лев Толстой получил от Н.С. Лескова очередное письмо, в котором было: «Никак не могу научить себя стерпеть мучения физической боли, которая подобна самой жёсткой зубной боли, но на огромном пространстве (вся грудь, левое плечо, лопатки и левая рука)». В «Историческом вестнике» (№ 3 за 1916 г.) было опубликовано письмо Н.С. Лескова к В.Л. Иванову, написанное 11 сентября 1891 года, в котором, в частности, было написано: «С мною точно было худо: на переезде от Нарвы в Петербург в вагоне меня начала душить *angina* и бралась за это пять раз (чего ещё никогда не бывало), и с тех пор я всё болею и не выхожу в люди, так как от всякого нервного впечатления воспроизводится мучительный припадок жабы (судороги около сердца). При этой мучительной боли охватывает ужаснейший и неопишувемый страх, или страх смерти, или, как говорит Толстой, «распряжки», или, как говаривал Писемский, - страх, какой должен ощущать «холод, подающий во фраке чай на бале и вдруг чувствующий, что у него подтяжки лопнули и панталоны спускаются» [3].

Страдавший тем же недугом, что и Лесков, С.Н. Терпигорев прочувствованно и просто обрисовал свои ощущения в такие приступы: «Сердце вдруг, как птица, затрепещется в груди, ужас охватит всего, и потом вдруг остановится биться, совсем остановится. Ну вот умру, кажется, сейчас, вот, вот сейчас, через несколько секунд... Но, сперва слабо, а потом сильнее, сердце опять начинает работать... Со лба утираешь холодный пот, и на четверть часа, на полчаса даётся отдых» [3. - С. 390].

Сын писателя А.Н. Лесков подчёркивает, что «страдать молча, по примеру животных», Н.С. Лескову, было совершенно не в его натуре. Надо было с участливым вниманием выслушивать скорбные рассказы Николая Семёновича о переносимых им телесно-нравственных страданиях. Можно было лишь тонко выразить удивление его мужественному поведению, удручённо посочувствовать мученической его обречённости. Но всё это следовало делать чрезвычайно деликатно, во всём страдающему писателю в тон. Болезнь (по мнению самого писателя) была достаточно серьёзна, чтобы прощать слишком лёгковесное к ней отношение и недоучёт зловещей её серьёзности. Сам Лесков не только «привык» к своей болезни, но наедине с собой исполнялся благодаря ей своего рода мистическим отношением к своему состоянию.

Болезнь не оставляла великого автора до его последнего дня, превратив Николая Семёновича в тяжело страдающего старика, работоспособность которого временами «представляла собою положительно загадку». Если задаваться сугубо медицинским вопросом можно ли было стабилизировать состояние здоровья писателя Николая Лескова, продлив годы его активной жизнедеятельности, располагая всей полнотой медицинских и реабилитационных мероприятий того времени? Напомним, что в момент возникновения острого приступа *angina pectoris* 16 августа 1889 года Николай Семёнович впал в беспамятство, пробыв в бессознательном состоянии в течение нескольких дней. Проконсультировавшись специально по этому вопросу с известным луганским кардиологом проф. Ю.Н. Колчиным, мы пришли к совместному соглашению о том, что вероятнее всего у Н.С. Лескова был инфаркт миокарда, осложнившийся кардиогенным шоком. Сам диагноз «инфаркт миокарда» в медицинской практике стали активно выставлять только после 1909 года. Большой вклад в решение этой актуальнейшей социально-медицинской проблемы (инфаркт миокарда, его диагностика, тактика ведения пациентов) уже в XX веке внесли знаменитые киевские профессора Н.Д. Стражеско и его учитель В.П. Образцов. Николая Семёновича же «пользовали» массажем, холодом на область грудной клетки и опусканием рук в холодную воду. Совет докторов был один: «не волноваться!».

Характер же Николая Семёновича не позволял ему никогда успокаиваться, что вызывало нередкие приступы ишемии. Из Киева к нему прибыл родной брат Алексей Семёнович Лесков, профессор медицины, наблюдавший брата и, видимо, корректировавший назначенное лечение. Из историко-медицинских сведений, характеризовавших медицину того времени, хорошо известно, что такие «болезни цивилизации», как инфаркт миокарда, сахарный диабет и иная патология, свойственная веку XX-му, регистрировались в 19-м столетии относительно реже или не регистрировались вовсе. Напомним, что в пору активной писательской деятельности Н.С. Лескова чаще встречались массовые инфекционные заболевания (например: холера, от которой умер Семён Дмитриевич Лесков – отец писателя).

Согласно медицинским воззрениям того времени, когда жил и творил Н.С. Лесков, грудная жаба – это заболевание, вернее, говоря медицинским языком, комплекс симптомов, характеризующих патологию сердечно-сосудистой системы. Остановимся подробнее не том, как описывали

angina pectoris в XIX веке и в ближайшее последующее время. Грудная жаба (Г.ж.) angina pectoris – стенокардия - довольно тяжёлый симптомокомплекс, наиболее характерным проявлением которого является приступ болевых ощущений, главным образом за грудиной, реже в области сердца. Клиническая картина г.ж. была впервые представлена В. Геберденом (Heberden) в докладе на заседании Лондонского Королевского общества врачей в июле 1768 г. (сам же доклад был напечатан только в 1772 г.). До описания Гебердена в медицинских источниках были лишь лаконичные отдельные указания на наличие этого симптомокомплекса. Считалось, что г.ж. чаще всего обусловлена острой недостаточностью коронарного кровообращения, возникающей при несоответствии между притоком крови к сердцу и потребностью самого сердца в крови.

Ещё И.А. Черноголов высказывал идею о том, что в патогенезе г.ж. основное значение имеют застойные («доминантные») очаги возбуждения в коре головного мозга и в подкорковых центрах. При наличии склероза венечных артерий всякое нарушение высшей нервной деятельности в результате большого нервно-психического напряжения или эмоций, главным образом отрицательных (горе, испуг и т.д.) может обусловить появление грудной жабы.

Что касается инфаркта миокарда, то для его возникновения большое значение имеет усиленная работа сердца при психических аффектах (что и имело место в случае заболевания Н.С. Лескова) при недостаточном кровотоке по венечным артериям, что привело к острому кислородному голоданию из-за несоответствия количества притекающей крови потребностям усиленно работающего миокарда. В любом случае у Н.С. Лескова 16 августа 1889 года имела место ишемия – состояние уменьшенного содержания крови в «филогенетически относительно молодом образовании», т.е. в сердечной мышце. Об этом свидетельствует потеря сознания и резкое затруднение дыхательной деятельности у писателя в связи с эмоциональным аффектом (получением известия о прекращении выпуска шестого тома его собрания сочинений).

В современных медицинских литературных источниках детально описаны психические нарушения, имеющие место при ишемии и при инфаркте миокарда. У больных появляется ощущение «животного страха», они испытывают чрезвычайно тягостное психоэмоциональное чувство, говоря, что умирают; ими овладевает «безумный страх смерти», сопровождающийся сильной тревогой, тоской и душевным беспокойством. Пациенты тяжело переживают угрожающую им опасность, их охватывает чрезвычайно неприятное ощущение «ступика» и полной безнадежности. В то же самое время эти лица «невыносимы» к внешним раздражениям – малейший разговор, шум, даже шепот их очень раздражают. В письмах к знакомым Лесков подчёркивал, что его раздражало даже постельное бельё, которое оказывало на него какое-то «давящее чувство», вызывая резкое угнетение дыхательных движений грудной клетки. Чаще всего такие люди молчаливы, неподвижны и как бы застывают. Именно подобные явления, вероятно, и имели место у Лескова в первые часы и дни его тяжелого заболевания. Чувство безотчётного страха, нарастающей непреодолимой катастрофы почти исключительно, как пишут известные кардио-

логи и психиатры, «специфично именно для грудной жабы и инфаркта миокарда».

Интересно проследить и послеинфарктный период у героя нашей статьи. Из воспоминаний современников, писем Н.С. Лескова и книги его сына Андрея Николаевича Лескова можно отметить астеническое состояние нервной системы, которое продолжалось у писателя в течение многих месяцев. Николай Семёнович быстро утомлялся, эмоционально и физически истощался от ничтожных нагрузок. Ему первое время даже трудно было писать письма, хотя чтение не вызывало таких интеллектуальных перегрузок и истощения. У писателя долго сохранялась гиперестезия к различным раздражителям, постепенно формируя ипохондрию и даже впоследствии невротическое состояние по типу невроза среднетяжёлого характера. Психологические расстройства, имевшие место у Н.С. Лескова, оказали негативное влияние на течение и исход заболевания, повлияв в немалой степени и на соматическое состояние больного. Мысли о смерти всегда были довольно близки Н.С. Лескову даже в те годы, когда он не видал никаких хворей, не знал усталости, не успел пресытиться «терзательствами» жизни... С течением времени, естественным истощением душевных сил и умножением болезней вопрос о «распряжке и выводе из оглобель» (выражение Л.Н. Толстого) влек писателя к себе более властно. Он много думал о «пробуждении от сна жизни», об уходе в «лучший из миров». В письме к зятю Н.П. Крохину он пишет: «Надо беречь бодрость душевную – бодрость ума и живость чувства, как доберегла до 85 лет скончавшаяся на сих днях Татьяна Петровна Пассек (писательница, двоюродная сестра А.И. Герцена). На предложение... «позвать попа» - отвечала: «Отойди!.. Что меня учишь!.. Духовный мир мне не чужд... Я знаю, что нужно и что не нужно. Ночью позвала Гатцука и сказала: «Хорошо... Я плыву... Перебирай аккорды гитары!». Тот стал перебирать аккорды, а она «уплыла». Жила умницей и «уплыла» во всём свете рассудка, без слёз, без визгов и без поповского вяканья...» [3].

Врождённое предрасположение к мрачности, мнительность, одновременно неразрывная с большой любовью к жизни, огромная жажда заглянуть за «тот край» всегда влекли Лескова к разговорам о смерти, а с приближением её смертная тема стала его «коньком», «хобби», как сказали бы сейчас. Всё сильнее чувствуется им собственная обречённость. Всё в жизни Лескова перестраивается по-новому, по-стариковски, в суеверных предостережениях, в духовной подавленности, в мистической настороженности. В декабре 1892 года Лесков даёт завещательное распоряжение «Моя посмертная просьба» («Ни о каких нарочитых церемониях и собраниях у бездыханного трупа моего не возвещать...»). «На похоронах моих прошу никаких речей не говорить. Я знаю, что во мне было очень много дурного и что я никаких похвал и сожалений не заслуживаю...» [3].

В январе 1894 году Лесков присутствует на похоронах редактора «Недели» П.А. Гайденбура в Смоленском кладбище, после чего заболевает от жестокой простуды. В январе-феврале 1895 года уже тяжело больного Лескова навещает А.П. Чехов. «Это не жизнь, а только житие», - сказал Лесков о себе Чехову при этой встрече. 12 февраля Лескова посещает его давний злейший враг – государственный контролёр в министерском ранге Т.И.

Филиппов с целью примирения, а 17 февраля на XXIII передвижной выставке в Академии художеств, на которой был выставлен портрет писателя работы Валентина Серова, Лесков был неприятно поражён видом портрета в тёмной раме, похожей на траурную кайму некролога. На следующий после посещения выставки день 18 февраля больной Лесков выезжает кататься вокруг Таврического сада. Эта неожиданная прогулка вызвала у него обострение болезни с последующим отёком лёгких. 21 февраля в 1 час 20 минут ночи последовала смерть Н.С. Лескова.

Всегдашнее горячее желание писателя – «мирная и непостыдная кончина» сбылось. В среднем ящике письменного стола Н.С. Лескова был найден запечатанный конверт с надписью: «Прочтите немедленно после моей смерти». Вскрыв конверт, сын писателя А.Н. Лесков увидел: «Моя посмертная просьба». Помимо прочего в ней было: «По смерти моей прошу непременно вскрыть моё тело и составить акт вскрытия. Желаю этого для того, чтобы могли быть найдены причины сердечной болезни, которую я долго страдал, при общем уверении врачей, что в сердце моём не было никакого болезненного изменения».

Около трёх часов дня приглашенный Андреем Лесковым прозектор Н.В. Усков произвёл вскрытие грудной полости. Сердце было найдено в состоянии такой ожирелости, что это заставило медиков удивляться, как оно могло работать даже и без отёка лёгких, приблизившего финальную развязку. Лесков ещё при жизни был убеждён, что таких страданий и такой болезни, какие выпали ему, медицина не знала и вскрытие даст ей что-то новое. Это было, конечно заблуждением писателя. Чехов, например, лично осматривавший Лескова в ноябре 1892 года, на вопрос о состоянии здоровья Николая Семёновича ответил искренне Ф.Ф. Фидлеру: «Да, жить ему осталось не больше года». Антон Павлович счастливо ошибся почти на полтора года. Доктора отлично знали, творится с сердцем писателя Н.С. Лескова, но искусно скрывали истинное положение дел от больного... Ко времени окончания вскрытия окоченевшие руки покойного уже не сгибались. Придать им выражение посмертной примиренности было невозможно. С трудом удалось их свести полотенцем и связать крепким узлом в кистях. Окружавшим на минуту показалось, что бездыханный труп яростно стремится высвободить руки со всею силой бушевавшего его негодования и протеста. 22 февраля днём приглашённый профессор И.Я. Гинцбург снял маску и сделал слепок кисти правой руки (Маска писателя хранится в Пушкинском доме в Санкт-Петербурге, а вот слепок с руки не сохранился). 23 февраля, около 11 часов утра, после совершения в кабинете Лескова литургии, последовало прощание с усопшим всех присутствующих. Затем в гроб прямо в кабинете были брошены горсти песка, символизировавшие «предание тела земле». Гроб был закрыт. С этого момента он открываться больше уже не мог.

Отпевание на Волковом кладбище, без которого погребение на Городских кладбищах не допускалось, совершалось уже над закрытым гробом. Речей, как и завещал Лесков, не произносилось. Всё совершалось в ненарушимом, глубоко сосредоточенном молчании. В ранние петербургские сумерки на Литературных мостках, не доходя до могил Надсона, Белинского, Добролюбова, Писа-

рева и других известных литераторов, вырос новый могильный холм. Санкт-Петербургская городская дума, в очередном своём заседании, почтила общим вставанием писателя Лескова, а городской голова Ратьков-Рожнов прислал сыну Лескова письмо с выражением соболезнования. Этим всё и исчерпалось со стороны властей города, в котором протекла 35 летняя писательская деятельность Николая Лескова. У прожившего 64 года писателя была непростая жизнь человека «слишком личного», неуравновешенного, большого, имевшего «больную душу», мастерство озлобленного таланта, неразборчивого и несправедливого в запальчивости, но вместе с тем смелого, подвергавшегося в последние десятилетия жизни неустанному преследованию и всесторонним гонениям. Хронологическая канва жизни и деятельности Н.С. Лескова, составленная в своё время К.П. Богаевской, даёт уникальную возможность проследить все, в том числе медицинские аспекты его жизни и смерти. «Ударов» и стрессов в судьбе Н.С. Лескова было предостаточно. Когда ему было 17 лет, скончался от холеры в селе Панино Кромского уезда Орловской губернии его отец Семён Дмитриевич Лесков. В 22 года Николай Лесков женился на дочери киевского коммерсанта Ольге Васильевне Смирновой, женитьба оказалась неудачной. Сын будущего писателя Дмитрий в младенческом возрасте умер. В 1856 году у Лескова родилась дочь Вера. В 1860 году а ноябре на тридцатом году жизни начинающий литератор Н.С. Лесков был уволен «по болезни» от службы в канцелярии киевского военного генерал-губернатора. Видимо, болезнь была обусловлена частыми простудными заболеваниями, к которым вообще был склонен Николай Семёнович. В возрасте тридцати с небольшим лет у Н.С. Лескова начинаются частые семейные ссоры с женой. Статьи Н.С. Лескова о петербургских пожарах в мае 1862 года привели к разрыву как с писательской демократической оппозицией, так и с правительственными кругами. Писатель был вынужден уехать на несколько месяцев за границу. Любопытно, что в январе 1863 года он пишет статью «Как отравляются угольным чадом в Париже», которая возвращала его к годам киевских дискуссий и собраний со студентами – медиками, о которых он напишет позднее в книге воспоминаний «Печерские антики».

В июле 1864 года писатель встретился со своей будущей второй женой Е.С. Бубновой. В апреле 1865 года в «Русском слове» появилась статья Д.И. Писарева «Прогулка по садам российской словесности» с резко отрицательной характеристикой Лескова как автора романа «Некуда». Критика Писарева нанесла определённый «стрессовый удар» по самолюбию молодого автора. В 1865 году Лесков вступил в гражданский брак с Екатериной Степановной Бубновой (урождённой Савицкой). 12 июля 1866 года рождается сын Лескова и Е.С. Бубновой – Андрей. В последующие годы знаменитый писатель нередко выезжает в Мариенбад для лечения водами. В 1877 году Лесков разводится с Е.С. Бубновой и с сыном Андреем, оставшимся с ним, переезжает в дом купца Семёнова (угол Коломенской улицы и Кузнечного переулка в Санкт-Петербурге). В 1878 году первая жена Лескова Ольга Васильевна как душевнобольная была помещена в больницу святого Николая-чудотворца в Петербурге. В начале мая 1880 года Лесков заболевает воспалением лёгких. В апреле 1886 года в

Киеве скончалась М.П. Лескова, мать писателя, пережившая на 38 лет своего мужа Семёна Дмитриевича Лескова. Всё это отражалось на психике Н.С. Лескова.

В 1888 году в марте последовала смерть молодого писателя Всеволода Гаршина, творчество которого очень ценил Лесков. 26 марта Лесков пишет издателю А.С. Суворину: «Неужели Гаршин не стоил траурной каёмки вокруг его трагического некролога?..» В апреле 1888 года Лесков благодарит в письме А.С. Суворина за предложение издать полное собрание его сочинений и договаривается об условиях. 16 августа того же года у Лескова случился первый приступ грудной жабы на лестнице суворинской типографии при известии об аресте уже отпечатанного тома Собрания сочинений. С тех пор Лесков уже никогда не будет чувствовать себя здоровым. В 1891 году на даче в Шмецке Лесков встречается с семьёй довольно посредственного доктора Н.Ф. Борхсениуса, который по непонятным причинам будет его личным врачом вплоть до самой смерти писателя. Зимой того же года в «Русской мысли» выходит статья М.А. Протопопова о Лескове «Больной талант», понравившаяся Николаю Семёновичу.

В декабре 1892 года Лесков пишет завещательное распоряжение «Моя посмертная просьба». В январе 1894 года Лесков заболевает от «жесточкой простуды». Зимой 1895 года в Петербурге наблюдалась неустойчивая погода с резкими перепадами

от мороза к оттепели и обратно, что вызвало в городе вспышку простудных заболеваний - от инфлюэнцы (гриппа) до пневмоний.

Требовалось очень беречься, особенно пожилым, страдавшим хроническими заболеваниями сердечно-сосудистой системы. 15 февраля у Лескова появились первые симптомы общего недомогания, температура стала подниматься до 39,6°, но потом благополучно спала и личный врач не увидел угрозы жизни. Однако сам пациент внёс в ход событий нечто непоправимое. 18 февраля Лесков, тяготясь досадливой стеснённой дыханием, принял, ставшее роковым, решение – по давнему обычаю, потихоньку объехать в санях любимый им Таврический сад. Так было и сделано: завернувшись в лёгкую енотовую шубу, он просил горничную укрыть ноги пледом и... поехал, «жадно вдыхая в больные бронхи и лёгкие предательски ласкающую свежесть морозного воздуха». На несчастье, отговорить или удержать его от этого поступка было некому. Да едва ли такая задача кому-нибудь и удалась бы. Поездка оказалась последней.

«Ужасной силы разлучник», ничего не примиряющий и не сглаживающий, по любимому Лесковым толстовскому определению, «увёл» его в 1 час 20 минут в ночь на 21 февраля 1895 года, – «оставив на земле последствия его ошибок» и... его заслуг.

«Волшебника слова», человека самобытнейшей натуры и дивного таланта не стало.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аннинский Л.А. Три еретика. Повести о А.Ф. Писемском, П.И. Мельникове – Печерском, Н.С. Лескове / Л.А. Аннинский // М.: Книга, 1988. – 352 с.
2. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. В 2-х т. / А.Н. Лесков // Т. 1. Ч. I-IV. – М.: Худож. лит., 1984. – 479 с.
3. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. В 2-х т. / А.Н. Лесков // Т. 2. Ч. V-VII. – М.: Худож. лит., 1984. – 607 с.
4. Лесков Н.С. Собрание сочинений / Н.С. Лесков // Т. 1. – М. – Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. – 507 с.
5. Лесков Н.С. Собрание сочинений / Н.С. Лесков // Т. 11. – М. – Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. – 864 с.
6. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12 т. / Н.С. Лесков // Т. 1. – М.: Правда, 1989. – 480 с.
7. Лихтенштейн Е.И. Помнить о больном. Пособие по медицинской деонтологии / Е.И. Лихтенштейн // Киев: Вища школа, 1978. – 176 с.
8. Набоков В.В. Лекции по русской литературе / В.В. Набоков // М.: Независимая газета, 1996. – 440 с.
9. Русские писатели. Библиографический словарь [В 2 ч.]. Ч. 1 А – Л. – М.: Просвещение, 1990. – 432 с.

Пересадин Н.А., Фролов В.М. Н.С. Лесков: творчество, болезнь и причины смерти (к 180-летию писателя) // Український медичний альманах. – 2011. – Том 14, № 3. – С. 214-223.

В статье описаны творчество, болезнь и причины смерти русского писателя Н.С. Лескова.

Ключевые слова: биография, Н.С. Лесков.

Пересадин М.О., Фролов В.М. М.С. Лесков: творчість, хвороба та причини смерті (до 180-річчя ювілея письменника) // Український медичний альманах. – 2011. – Том 14, № 3. – С. 214-223.

У статті описані творчість, хвороба та причини смерті російського письменника М.С. Лескова.

Ключові слова: біографія, М.С. Лесков.

Peresadin N.A., Frolov V.M. N.S. Leskov: creation, disease and ta reasons of death (to 180-years anniversary of writer) // Український медичний альманах. – 2011. – Том 14, № 3. – С. 214-223.

At article characterize creation, disease and ta reasons of death of russian writer N.S. Leskov.

Key words: biography, N.S. Leskov.

Надійшла 15.02.2011 р.
Рецензент: проф. В.І.Лузін